

РАСКАЗ ЛЕТЧИКА-ИСТРЕБИТЕЛЯ ЛЮФТВАФФЕ ЙОХАННЕСА ШТАЙНХОФФА (JOHANNES STEINHOFF)

Йоханнес Штайнхофф (1913 - 1994) совершил более 900 вылетов на Западном, Средиземноморском и Восточном фронтах ВМВ. Он участвовал в более чем 200-х воздушных боях и одержал 176 побед. Штайнхофф был активным участником так называемого «Бунта Истребителей» в январе 1945-го, когда ведущие летчики-истребители Люфтваффе потребовали снятия Геринга с должности главнокомандующего ВВС Германии за некомпетентность и обвинения в адрес летчиков в трусости и измене...

Я родился в городе Боттендорф (Bottendorf), в Тюрингии 15 сентября 1913. Мой отец работал на мельнице, мать была домохозяйкой. Учился я в гимназии, которая была уровнем выше, чем обычная школа: мы учили французский, английский, латынь и греческий - это было классическое образование. После школы я готовился стать педагогом, но времена в Германии были такие, что мне не удалось найти работу. Поэтому я пошел в армию и сначала попал во флот, где прослужил год. Служил я со своим другом по имени Дитрих Храбак (Dietrich Hrabak), и мы вместе с ним стали осваивать профессию летчиков морской авиации. Затем, когда главнокомандующим

стал Геринг, нас обоих перевели в Люфтваффе. Я начал проходить подготовку как летчик-истребитель в 1935-м. Со мной в летной школе были Храбак (Hrabak), Траутлофт (Trautloft), Галланд (Galland), Gunther Lützow (Гюнтер Лютцов) и многие другие, большинство из которых стали известными асами. К сожалению, не все из них пережили войну...

Свой первый бой я принял в конце 1939-го после польской кампании. Мы обороняли наши береговые сооружения от налетов бомбардировщиков *RAF*. В этих боях я сбил три бомбардировщика *Vickers Wellington*. Далее были французская кампания и Битва за Британию. Британцы были прирожденными бойцами – агрессивными, хорошо обученными и очень спортивными. Они были храбрыми ребятами, и я ни разу не дрался с кем-либо, кто был лучше них, на протяжении всей войны, включая американцев!

В боях против *RAF* у обеих сторон было почти равное количество истребителей – настоящие схватки. Это была истинная проверка людей и машин, и выживали в ней только сильнейшие. Когда появились американцы, их было столько, что к тому моменту, когда я вернулся из России, чтобы сразиться с ними, никакого спортивного состязания быть уже не могло. Ну а с британцами в 1940-м мы не справились по нескольким причинам. Прежде всего, у наших истребителей была ограниченная дальность полета. У нас было всего 20 минут боя до момента, когда нужно было поворачивать домой, и британцы знали это. Во-вторых, мы эскортировали бомбардировщики, и это сводило к

минимуму наше преимущество в скорости и высоте. Кроме того, британцы использовали радары, что было для нас полным шоком. Система раннего предупреждения позволяла британцам концентрировать самолеты с большим запасом летного времени на нужных участках, атакуя нас тогда, когда мы были наиболее уязвимы. Еще одной проблемой был Геринг, который не давал нам вести войну логическим путем. Например, его приказ перенаправить атаки с военных целей на порты и города оказался катастрофическим для нас...

Что касается советских летчиков, то они были дисциплинированными, целеустремленными и, в какой-то степени, интеллигентными, но плохо обученными в тактическом плане. В основном, это были храбрые ребята, но, в отличие от британцев и американцев, они могли выйти из боя всего через несколько минут после его начала. Советские пилоты, в своем большинстве, не были прирожденными воздушными бойцами. Рыцарское и спортивное отношение друг к другу в воздушной войне над Россией отсутствовало. Сражаясь с советскими летчиками, мы воевали против машин, а не против людей – вот и вся разница. У них не было гибкости в тактических приемах, не было индивидуальной свободы в действиях, и в этом смысле они были слегка туповаты. Если нам удавалось сбить ведущего группы советских истребителей, остальные превращались в «сидящих уток»...

Я готов согласиться с утверждением Ивана Кожедуба о том, что немецкие летчики лучше действовали в группе, тогда как советские летчики предпочитали сражаться в одиночку, - практика, которую он пытался изменить. Мы же с самого начала сражались группами. У нас были отличные летные школы и превосходные пилоты-лидеры с опытом Гражданской Войны в Испании и ранних кампаний в Польше и на Западе, которые подавали нам пример. Во время Битвы за Британию мы и в самом деле научились сражаться в группах, и это спасло нам много жизней...

Однако, советские летчики постоянно повышали свое мастерство. В реальности, среди них были отличные бойцы, собранные в знаменитые гвардейские полки (*в оригинальном тексте – Red Banner – Краснознаменные части – ВК*), и мне довелось сражаться против них в Крыму и на Кавказе. Но самым тяжелым моментом на Восточном фронте была погода - проклятый холод. Второй момент, возможно, самый тягостный – мы знали, что, если тебя собьют или ранят и ты попадешь в плен, то, если сразу и не прикончат, то после этого тебе придется совсем несладко. Взаимного уважения там не было, и в безопасности ты был только по нашу сторону от линии фронта. Русские обращались с нашими ребятами, попавшими в плен, не слишком душевно, но и мы со временем узнали, что русским, попавшим к нам в плен, тоже приходилось тяжело (*на снимке слева – солдаты Waffen SS допрашивают сбитого и раненого советского летчика; предположительно район Курской Дуги, лето 1943*). По крайней мере,

сражаясь против американцев и британцев, мы знали, что у нас с ними сходный культурный уровень и есть профессиональное взаимное уважение. Ну а со стороны Советов об этом и речи не шло. У русских не было никакого понятия о рыцарском отношении к противнику. Совсем другая война...

Зимой в России часто мы вообще не могли летать. Техника замерзала, не было возможности расчистить снег, ориентироваться было просто невозможно. Это было самое трудное время на фронте...

Фото слева: британские солдаты помогают раненому немецкому летчику / фото сверху: немцы допрашивают сбитого советского аса – Героя Советского Союза / фото внизу: летчики RAF в немецком плену / фото справа: пленные немецкие летчики, вероятно, после получения первой медицинской помощи – советско-германский фронт, 1945 г.

В нашей группе 4/JG.52 перед самым началом Битвы за Британию появился Ханс Йоахим Марсель ((Hans-Joachim Marseille, нередко встречается произношение М-а-р-з-а-й-л). Он был в эскадрилье, которой я командовал, и я присматривал за ним. Я знал, что он был превосходным бойцом, умным, быстрым и агрессивным, но тратившим слишком много времени в поисках подруг, вследствие чего его голова была не всегда занята военными делами. В реальности, его несколько раз приходилось снимать с полетов, потому что он был совсем не в форме после ночей, проведенных где-то в городе, сами понимаете, что я имею в виду... Это был абсолютный плейбой, но и, вместе с этим, настоящий боец. Однако он был индивидуалистом, не любившим сражаться в группе. На его счету было семь побед, когда я отказался от его услуг, и не потому, что он был слабым летчиком, а потому что он был сбит четыре раза за этот же период времени. У него не было понятия о том, что значит быть ведомым (*Rottenflieger*), и многие не хотели летать с ним в качестве ведомого, что плохо сказывалось на боевом духе. Я полагал, что наилучшим решением для него будет перевод куда-нибудь подальше от женщин, и в Северной Африке он действительно стал легендой, получив бриллианты к Рыцарскому Кресту за 158 побед.

Он был оригиналом и олицетворением летчика-истребителя другой эпохи – эпохи ПМВ, но у нас была другая война.

Если говорить о лидерах, то Геринг был хорошим, даже отличным руководителем до того, как началась война, и его энергия сыграла важнейшую роль в строительстве Люфтваффе в 1930-е годы. Однако, в период Битвы за Британию он обленился. Он стал собирать предметы искусства и драгоценности и потерял интерес к операциям Люфтваффе. Ближе к концу войны он превратился просто в помеху и лично я стал относиться к нему с ненавистью. Множество летчиков погибло из-за него безо всякой нужды. Я, Галланд, Лютцов, Траутлофт и другие посетили Берлин, чтобы встретиться с генералом Робертом фон Граймом (Robert Ritter von Greim) и добиться устранения Геринга, но этого не произошло. Грайм уведомил нас в январе 1945-го, что было уже поздно и что Гитлер никогда не позволит избавиться от одного из своих старейших и наиболее верных друзей. Это, в итоге, привело к «Бунту Истребителей» против Геринга, после чего последний пригрозил отдать меня под суд, а Лютцова расстрелять за измену. Гитлер приказал мне отправиться в Италию, скорее даже, выгнал меня туда вместе с Лютцовом ради моей собственной безопасности, а Траутлофта отправил обратно на Восточный фронт.

Галланд (командующий истребительной авиацией) был весьма энергичным человеком, сильным лидером, выдающимся летчиком-истребителем и честнейшим человеком. Он никогда не боялся Гитлера, никогда не поддавался давлению Геринга и всегда прямо отвечал, когда они спрашивали его о чем-либо, независимо от того, насколько неприятной была правда. У Галланда было понимание того, как отвоевать превосходство в воздухе и перестроить истребительную авиацию. Однако, оказанная ему старшим командным составом истребительной авиации поддержка в конфликте с Гитлером и Герингом дала Гитлеру повод сместить его, что было трагической ошибкой. Честность в Берлине никогда не была в почете.

На место Галланда назначили полковника Гордона Голлоба, который был компетентным летчиком и командиром, но, в то же время, горячим поклонником Гитлера, из-за чего его ненавидели почти все, включая меня. Старшие офицеры не проявили энтузиазма в связи с этим назначением и отказались принять это. Все командиры (*Kommodore*) остались верными Галланду и сохранили контакт с ним, что приводило в ярость Голлоба и Геринга, поскольку это показало, что самые высокопоставленные и заслуженные люди истребительной авиации по-прежнему намереваются следовать своей линии... Под командованием Голлоба потери подсказывали вверх на всех участках фронта, на которых он появлялся, - примерно так же, как это было с Герингом во время ПМВ. Он ставил командирами подразделений не тех, кто был наиболее компетентен, а тех, кто был в наибольшей степени верен делу нацистской партии – тех, кого в истребительной авиации было совсем немного...

С Гитлером я впервые встретился 3 сентября 1942-го, когда он вручал мне Дубовые Листья (к Рыцарскому Кресту). Он спросил присутствующих о том, как идут дела на войне, в которой мы предположительно должны были побеждать, и что мы думали о землях, присоединенных к Рейху на Востоке. Я заметил что-то вроде того, что «надеюсь, что у Фюрера не возникнет слишком сильной привязанности к ним, поскольку я не думаю, что мы задержимся там надолго.» Он посмотрел на меня так, как будто у него вот-вот будет удар. Когда он попросил меня пояснить свое высказывание, я просто сказал ему, что после вступления в войну США, в условиях предоставления ими, вместе с британцами, помощи России и отсутствия у нас возможности атаковать с воздуха промышленные

мощности русских за Уралом, многого нам добиться не удастся. Он помолчал немного, а затем сказал следующее: «Скоро мы покончим с Россией и снова повернем наши силы на Запад. Они увидят, что поддержка большевизма пошла им не на пользу.» После этого нас отпустили.

Я понимал, что означает вступление американцев в войну: у этой страны колоссальная воля к победе, ни с чем несравнимая индустриальная мощь для производства бомбардировщиков, истребителей, кораблей... Их вступление в войну означало в той или иной степени наш конец – это было только вопрос времени: сколько нам удастся продержаться. Через несколько недель я встретился с ним неподалеку от Сталинграда, когда он был в поездке на фронт. Гитлер сказал мне: «Теперь в моих руках Россия, в моих руках Кавказ. Я собираюсь переправиться через Волгу, и после этого вся Россия будет моей.» Я помню, что посмотрел на людей, стоявших рядом, и подумал: «У этого парня не в порядке с головой.»

Наша следующая встреча состоялась 28 июля 1944-го, когда я получал Мечи к своему Рыцарскому Кресту. Это было через неделю после покушения, и это был уже другой человек, ушедший от реальности и живущий в мире иллюзий. Все, что я хотел, - это получить свою награду и убраться оттуда восвояси – я уже не мог его видеть. После этого меня вызвали к Гитлеру вместе с другими старшими офицерами незадолго до бунта против Геринга. Он шагал взад-вперед, бормоча что-то про оружие, которое у нас есть, про то, что он скоро покажет союзникам кто есть кто и т.п. Угнетало то, что наша страна находится в руках этого маньяка и полоумных людей из его окружения. Он был уже безразличен к страданиям народа и своих солдат, уже не беспокоился вообще ни о ком, а на нашу долю выпала расплата за его преступления, и Германия уже никогда не избавится от комплекса вины за них...

После двух лет в России и на Средиземноморье я вновь оказался на Западном фронте. Как только я принял под свое командование группу *JG.77*, я был сбит в первом же бою во время атаки на группу бомбардировщиков *Liberator*, и с этого момента я понял, что это будет война, полностью отличающаяся от событий 1940-го. В тот момент, когда я потерял контроль над своим самолетом и прибегнул к парашюту в первый и последний раз в жизни, я понял, как много я забыл. Бои против русских были совсем другими по сравнению с боями против объединенных британо-американских сил, хотя численное преимущество русских было даже более значительным. Западные союзники к тому времени значительно усовершенствовали свою и без того первоклассную технику, а я успел забыть, насколько гибкой является их тактика и как они могут менять ее в конкретной ситуации для организации блестящих атак.

Труднее всего было бороться с «Летающими Крепостями» В-17. Они летали в плотных оборонительных формациях, и их тяжелые пулеметы калибра .50 делали сближение с ними весьма опасным. В итоге мы приняли тактику лобовых атак, разработанную летчиками Эгоном Майером (Egon Mayer) и Георгом Петером Эдером (Georg Peter Eder), но только небольшая группа «экспертов» могла делать это успешно, да и требовались для этого стальные нервы... Кроме того, их сопровождали истребители дальнего радиуса действия, что весьма осложняло жизнь до той поры, пока у нас не появились реактивные истребители *Me-262*, вооруженные 30-мм пушками и 24-мя ракетами R4M. Тогда у нас появилась возможность пробивать бреши в их самых плотных формациях из-за пределов радиуса действия их оборонительного огня, наносить им повреждения, а затем совершать обходной маневр и добивать поврежденные самолеты пушечным огнем. Из

истребителей союзников тяжелее всего было сражаться с самолетами *Lightning*. Это был быстрый, приземистый, фантастический истребитель, особенно опасный, если у него было преимущество в высоте. Один из них сбил меня с большого расстояния в 1944-м.

В декабре 1944-го, после смерти Вальтера Новотны (Walter Nowotny), я принял под свое командование группу *JG.7* после того, как реактивные истребители были раскиданы по отдельным авиакрыльям. Я отобрал себе на должности командиров эскадрилий Эриха Рудорффера (Erich Rudorffer), Герхарда Бакхорна (Gerhard Barkhorn), Хайнца Бэра (Heinz Baer) и ряд других классных летчиков. После операции *Bodenplatte* и «Бунта Истребителей» меня отправили обратно в Италию, отстранив от службы на реактивных самолетах. Однако, Галланд вновь вызвал меня в Германию, когда получил разрешение от Гитлера создать «Эскадрилью Экспертов». Галланд дал мне полномочия на поиск и отбор самых лучших пилотов. Я обошел все бары и места отдыха летчиков, даже несколько госпиталей и прифронтовых частей, и отобрал 17 или около того добровольцев, собираясь найти еще парней. Список получился впечатляющим, хотя в нем было двое-трое малообстрелянных, но многообещающих летчиков с опытом полетов на реактивных самолетах. Это и была «Эскадрилья Экспертов». Большинство из нас имело множество побед, 9 человек – более 100, двое, в том числе Бэр, более 200, а Бакхорн – 300. Все, кроме двух, имели Рыцарский Крест или более высокие награды и налетали сотни миссий каждый. Не думаю, что когда-либо появится подразделение такого калибра еще раз! Наша тактика оставалась, в основном, прежней, но у нас появилась возможность вырабатывать новые приемы прямо в бою, чтобы противодействовать новым угрозам, тогда как в обычных летных частях нужно было разрабатывать рекомендации и потом ждать утверждения, что было пустой тратой времени. Мы пришли к выводу, что атака с фланга, проникновение в строй противника и ракетная атака приносили хорошие результаты. Это было похоже на стрельбу по стае гусей из дробовика. Атака с тыла также была продуктивной, однако площадь поражения при этом была ниже. За фланговой атаквой мы обычно атаковали уцелевшие самолеты противника с тыла, что позволяло разносить крылья бомбардировщиков или приводило к взрыву их бомбового груза. Что касается истребителей, то достаточно было одного пушечного снаряда, чтобы сбить машину противника.

Говорят, что если бы мы получили Me-262 в больших количествах на более раннем этапе, это повлияло бы на исход войны. Я так не думаю: у нас не хватало обученных летчиков и даже топлива. Так или иначе было бы уже поздно, и войну нам было не выиграть...

К концу войны на моем счету было 176 побед, семь из них я одержал, летая на Me-262. Меня сбивали 12 раз, но близок к гибели я был только в 13-й раз, когда потерпел аварию при взлете на Me-262 18 апреля 1945-го (на снимке слева – Me-262 Штайнхоффа после аварии). До этого я

был легко ранен только один раз и пострадал сильно только во время аварии. Только

один раз я выбросился с парашютом – я никогда не доверял им. Я всегда находил возможность посадить поврежденный самолет.

После войны я часто встречался с летчиками-истребителями RAF Дугласом Бадером (Douglas Bader), Робертом Стэнфордом Такком (Robert Stanford Tuck) и Джонни Джонсоном (Johnny Johnson), а также с американскими асами Фрэнсисом Габрески (Francis Gabreski), Ньюбертом Земке (Hubert Zemke) и другими. Мы – старые люди, стали мудрее и ценим тот факт, что нам не в чем винить друг друга. Мы – это тесное братство и хорошие друзья...

Оригинальное интервью - Colin D. Heaton
(http://www.tariff.net/wwii/interviews/johannes_steinhoff.htm)

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник